



A.C.
ПУШКИН



СТИХИ

НАПИСАННЫЕ
В МИХАЙЛОВСКОМ

Лермонтов
1967

Индекс
7—4—1

Тексты стихотворений печатаются
по Полному собранию сочинений Пушкина
издания Академии наук СССР
в десяти томах
1962 - 1965

Составление и примечания

С. С. Ге́йченко

Оформление О. И. Маслакова

Рисунки В. М. Зариповой

К ЧИТАТЕЛЮ

Есть на нашей земле места, которые в памяти народной священны. Они окружены особым вниманием и любовью. Они охраняются этой любовью и всей силой законов социалистического государства.

Среди них - особо дорогие места, связанные с жизнью и творчеством Пушкина на Псковщине: Михайловское, Тригорское, Пушкинские Горы. Еще в 1899 году они стали национальным государственным имением, а в 1922 году Советское правительство объявило их государственным заповедником.

Сегодня Пушкинский заповедник — своеобразная литературная Мекка. Сюда идут люди со всех концов земли, чтобы встретиться с Пушкиным. Приходя под сень знаменитых михайловских рощ, они вступают в мир образов поэта, проникаются строем его мыслей и чувств.

Почти вся жизнь великого поэта была неразрывно связана с псковской землей. Здесь в постоянном обиении с простым русским народом, добрыми деревенскими друзьями, с родной природой формировалось поэтическое мировоззрение Пушкина, окреп и засиял его творческий гений.

В разные годы он пишет «в глухи лесов сосновых» свой михайловский цикл. Здесь явились миру «Борис Годунов», деревенские главы «Евгения Онегина», «Граф Нулин». Здесь были задуманы «Маленькие трагедии», «Русалка», «Сцены из рыцарских времен», «Арап Петра Великого»... Свыше ста лирических стихотворений были написаны поэтом только во время его «михайловского сидения» — ссылки 1824—1826 годов.

В Михайловском Пушкин создал, по его выражению, «бездну» политических эпиграмм на современное ему общество, на его мелкость и пошлость, его ограниченность и подлость.

Мир пушкинских образов безграничен и бесконечен. Он — неиссякаемый родник радости. Когда вы сегодня идете по аллеям парков Михайловского и Тригорского, любуетесь лугами, озерами и рощами, вы невольно вспоминаете отдельные строчки пушкинских стихотворений. Многие из них звучат как страницы лирического дневника Пушкина.

Удивительное состояние испытывает человек, когда читает эти стихотворения здесь, на месте их рождения. Время для него как бы смеется, и он слышит голос живого поэта.

С. ГЕЙЧЕНКО,
директор Пушкинского
государственного заповедника



1817

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.



Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.



1819

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе

И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!

В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас;
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:

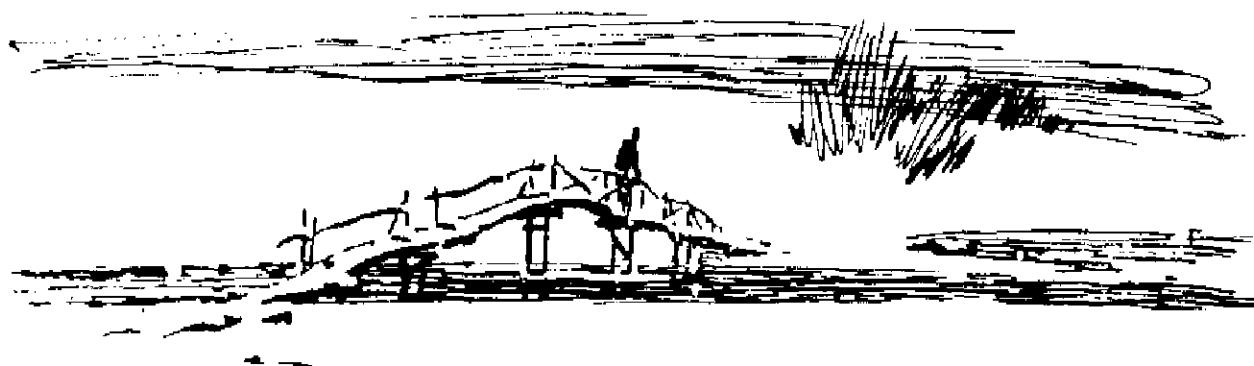
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильтвенной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смех,

Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.

Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?



ДОМОВОМУ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семью моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновеню.

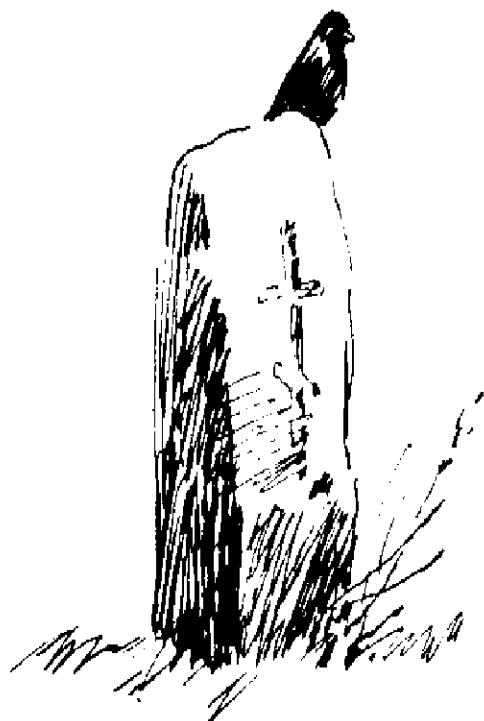


1824

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там лесший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на куриных ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На берег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...



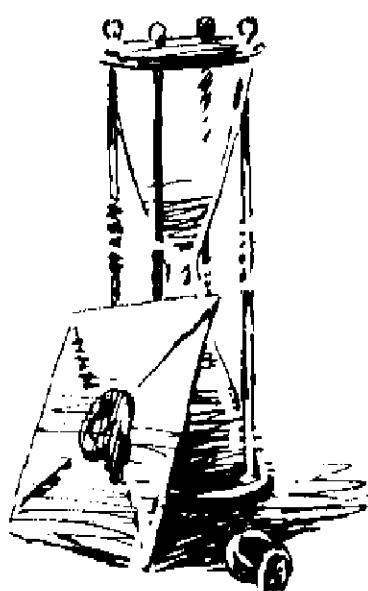
ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящиков.
Запишуем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвейки влюблены.

К ЯЗЫКОВУ

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.

Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке свой,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для вас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скучу зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.



РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.

Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаше голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блестанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом

И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скромой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищенье глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрямь, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальнем поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В младые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты,
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;

Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глухи
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?

· · · · ·

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви,
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:

Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей.

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной,
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

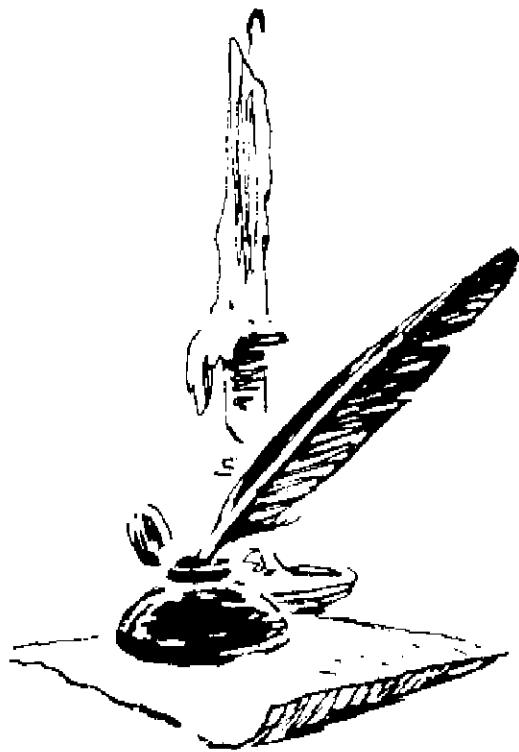
Прекрасно. Вот же вам совет.
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рушище певца.
Нам нужно злата, злата, злата.
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорогое творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;

Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне
заходят

Нетерпеливые чтецы;
Вокруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь – от вашей лиры
Предвижу многоя добра.

П о э т

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
Условимся.



К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твою прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный
брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был
окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я нуть беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Сдна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой правитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, —
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;

Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором, —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.



ФОНТАНУ
БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревших под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.



Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одяждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой

Луна туманная взошла...

Всё мрачную тоску на душу мне наводит.

Далеко, там, луна в сиянии восходит;

Там воздух напоен вечерней теплотой;

Там море движется роскошной пеленой

Под голубыми небесами...

Вот время: по горе течерь идет она

К брегам, потопленным шумящими волнами;

Там, под заветными скалами,

Теперь она сидит печальна и одна...

Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;

Никто ее колен в забвенье не целует;

Одна... ничьим устам она не предает

Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;

Но если

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.



ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ¹

Посвящено П. А. Осиповой

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой²:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В паренье дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых³.

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближение⁴:
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображеные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.

Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

V

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой⁵.

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насыпает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь.
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.

Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгая совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
 О сеятель благополучный,
Сторицею воздаст она твоим трудам.
Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скучное подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань,
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут, господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи
И зноем и пылью тягчимые очи

С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал.
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятым мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сил нечестивых, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

² В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Станный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

³ «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

⁴ Из книги *Слепец*.

⁵ Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
В круг дома своего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

ЧААДАЕВУ

С морского берега Тавриды

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось.

Чедаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиление вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу
 клонишь?

Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой,
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блестает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награды долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеша грусти нежной —
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.



ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

На скользком поприще Тимковского наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было невтерпеж.
Теперь, в моей глуши журналы раздирая
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души, и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова *божественный, небесный*,
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж Господа Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменило
И нрава твоего кичливость усмирило?

Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но, подразнив тебя, я переменой сею
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.

Я с переменою несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но, сам не зная как, ты видно устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя
Чтоб, все законные преграды истребя,
Всё мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной истине, но мирному уму
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного иера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

КЛЕОПАТРА

Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир,
Все, Клеопатру славя хором,
В ней признавая свой кумир,
Шумя, текли к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась — и долу
Поникла дивною главой.

И пышный пир как будто дремлет,
И в ожиданье всё молчит...
Но вновь она чело подъемлет
И с видом важным говорит:
«Внемлите мне: могу равенство
Меж вас и мной восстановить.
В моей любви для вас блаженство,
Блаженство можно вам купить:
Кто к торгу страстному приступит?
Свои я ночи продаю.
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Она рекла. Толпа в молчанье:
И всех в волнении сердца.
Но Клеопатра в ожиданье
С холодной дерзостью лица:
«Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Иль вы теперь бежите прочь?
Вас было много; приступите,
Торгуйте радостную ночь».

И гордый взор она обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг — из рядов один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь, ясны очи.
Царица гордо восстает.
Свершилось: куплены три ночи...
И ложе смерти их зовет.

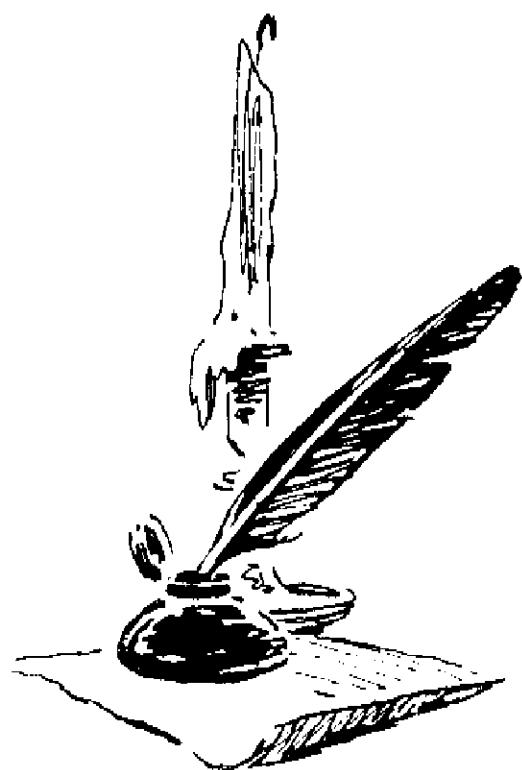
И снова гордый глас возвысила царица:
«Забыты мною днесь венец и багряница!
Простой наемницей на ложе восхожу;
Неслыханно тебе, Киприда, я служу,
И новый дар тебе ночей моих награда,
О боги грозные, внемлите ж, боги ада,
Подземных ужасов печальные цари!
Примите мой обет: до сладостной зари
Властителей моих последние желанья
И дивной негою и тайнами лобзанья,
Всей чашею любви послушно упою...
Но только сквозь завес во храмину мою
Блеснет Авроры луч — клянусь моей
порфирой. —
Главы их упадут под утренней секирой!»

Благословенные священномою рукой,
Из урны жребии выходят чередой,
И первый Аквила, клеврет Помпея смелый,
Изрубленный в боях, в походах поседелый.
Презренья хладного не снес он от жены
И гордо выступил, суровый сын войны,
На вызов роковых последних наслаждений,
Как прежде выступал на славный клик сражений.
Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец,

Воспитанный под небом Арголиды,
От самых первых дней поклонник и певец
И пламенных пиров и пламенной Киприды.
Последний имени векам не передал,
Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
Чуть отроческий пух, темнея, покрывал
Его стыдливые ланиты.

Огонь любви в очах его пылал,
Во всех чертах любовь изображалась —
Он Клеопатрою, казалось, дышал,
И молча долго им царица любовалась.

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь слов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!



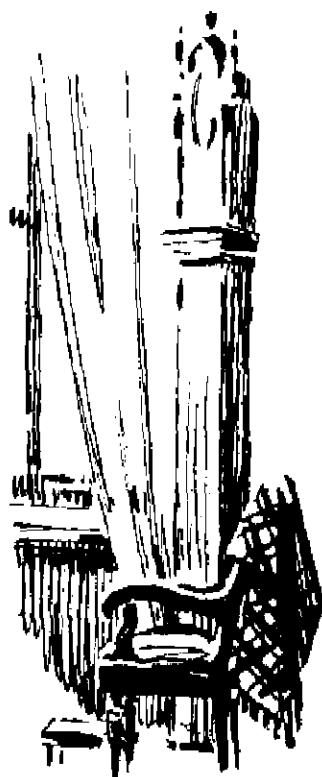
ГРАФУ ОЛИЗАРУ

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали
Кремля позор и . . . илен,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье красных ваших жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

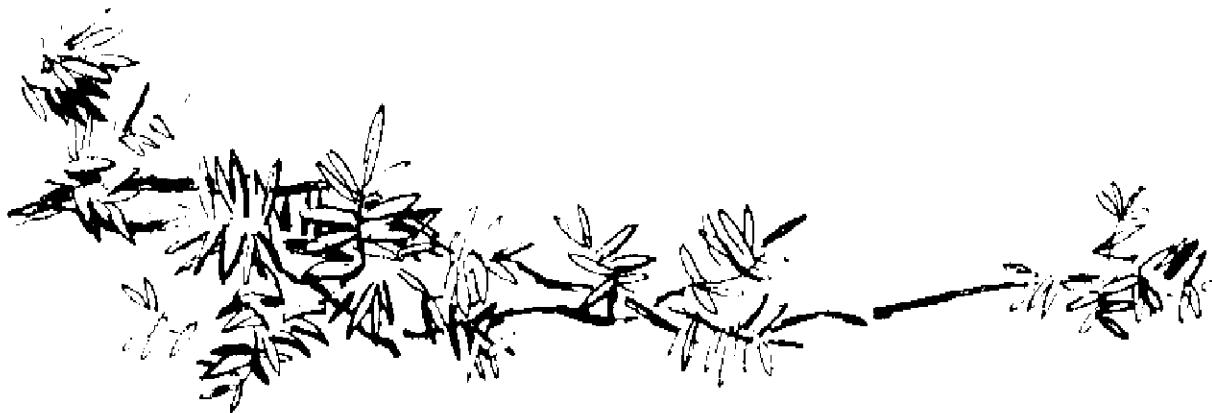
Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —
Перед улыбкою небесной
Земная ненависть молчит!
При сладких звуках вдохновенья,
При песнях лир...
И восстают благословенья,
На племена нисходит мир...



ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ

Ты издал дядю моего.
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышень арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.



Т — прав, когда так верно вас
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы как она для глаз
И как она пременчивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшую весной:
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
Мне нравится — я рад ему сердечно:
Да, чисты вы, как он, и сердцем и умом,
И холодней его, конечно.
Сравненья прочие не столько хороши;
Поэт не виноват — сравненья неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,
К несчастью, бесподобны.

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы . . . прозвать должны
Ее Менервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Оловым
Беседы мудрые вела —
С Делинем — иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил, —
Ходи к источнику могил
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает —
Так жизни время убегает,
В гареме так исчезну я.

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки.



Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.



Презрев и голос укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежду.
Умолкни, сердца шепот сонный,
Привычки давной слабый глас,
Прости, предел неблагосклонный.
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстью и лени
И снов задумчивых души.
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний раз сожмем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта
.....
..... где-нибудь в волненье света
Мой глас воспомни иногда...

Умолкнет он под небом дальним
..... сне,
Один печальным
Угаснет в чужой стороне.
К моей могиле безымянной
.....
Настанет час желанный,
И славянин

К САБУРОВУ

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молостзовым,
С моим Чадаевым читал,
Как, все заботы отклонял,
Провел меж ими год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Свою смуглой.



МЛАДЕНЦУ

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь — может быть,
Это новая Диана
Притаила нежну страсть —
И стыдливыми глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.



ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ

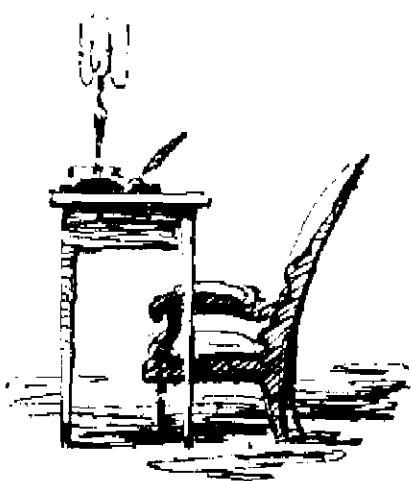
Прости, украинский мудрец,
Наместник Феба и Приана!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты мой папа,
Благослови ж меня, певец!

ПОСЛАНИЕ к Л. ПУШКИНУ

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно.
Знаешь ли какого рода?
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоляной
Сен Пере бутылке длинной.
В лета красные мои,
В лета юности безумной,
Поэтический *Ai*
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви!
. вспомнил о поэте
И напененный бокал
Я тогда всему на свете,
Милый брат, предпочитал.

Ныне нет во мне пристрастья —
Без разбора за столом.

Друг разумный сладострастья,
Вина обхожу кругом.
Все люблю я понемногу —
Часто двигаю стакан,
Часто пью — но слава богу
Редко, редко лягу пьян.



С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними вербная лоза
С иссохшей просвирой и свечкой

Горшок с на окне,
Две канаречки над печкой —



1825

СОЖЖЕНОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают... легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатление,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удавлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец, —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.



СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.



Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась Полярная звезда.
Бестужев, твой ковчег на береге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

ОДА
ЕГО СИЯТ. гр. Дм. Ив. ХВОСТОВУ

Султан ярится¹. Кровь Эллады
И резвоскачет², и кипит.
Открылись грекам древни клады³,
Трепещет в Стиксе лютый Пит⁴.
И се — летит продерзко судно
И мещет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец,
Притек, но недуг быстропарный⁵,
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:

Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть. —
Никак! Ты с верною супругой⁶
Под бременем судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единобразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрямь певец.

А я, неведомый ниита,
В восторге новом воспою
Во след пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу⁷,
И да блoudут твой мирный сон⁸
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерей,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня А. И. Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздравный кубок»).

⁷ Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческия кущи,
Взирая на суда бегущи.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним предерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитеря (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подъемлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного птицы.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист?
— Живёхонек! всё так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Всё тискает в свой непотребный лист
И старый вздор и вздорную новинку.
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плонуть на него.

КОЗЛОВУ

*По получении от него
«Чернеца»*

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Небесным пением своим
Он усыпал земные муки.
Тебе он создал новый мир:
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезёй
Я проходил пустыню мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне

Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою мольвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.



EX UNGUE LEONEM

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному
шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

П. А. ОСИПОВОЙ

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской муз в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.



Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи,
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Посвящено Н. Н. Раевскому

Ainsi, triste et captif, ma lyre, toutefois
S'éveillait... *

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец, готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет¹.

* Так, когда я был в печали и в заключении, лира моя все же пробуждалась... (франц.)

Заутра казнь, привычный пир народу:
 Но лира юного певца
О чём поет? Поет она свободу:
 Не изменилась до конца!
«Приветствуя тебя, мое светило!
 Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
 Когда ты в буре восходило.
 Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Развеял пеплом и стыдом:
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
 Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
 И самовластию беспрепятный ответ.
 Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
 Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
 Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнаников входили славы тени,
 От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
 Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
 И мы воскликнули: *Блаженство!*
 О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над иами
Единый властвует топор.

Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленою кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяненный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за волосы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:

О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни²,
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и Узница моя³,
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой головой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала, —
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...

О нет!

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных⁴;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа⁵.
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует⁶.
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...⁷
Плачь, муз, плачь!..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour.
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier.)

² У Аvelя, у Fanni.
Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I); один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

³ И Узница моя.

V. La jeune Captive (Mlle de Coigny).

⁴ Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, Ilétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le

condamnait Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

⁵ Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне пизвержения Робеспьера.

⁶ На роковой телеге везли на казнь с Ап. Шенье и поэта Рувье, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments; pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulaient réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

⁷ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.

Перевод французского текста

¹ Как последний луч, как последнее веяние ветра

Оживляет вечер прекрасного дня,

Так у подножия эшафота я еще пробую свою лиру.

(См. Последние стихи Андре Шенье.)

² Авель, милый наперсник моих юных тайн

(Элегия I)

Фанни, одна из любовниц Ап. Шенье. (См. обращенные к ней оды.)

³ См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи).

⁴ См. его Ямбы.

⁵ Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Известно, что король спрашивал у Собрания в письме, исполненном спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье. (А. Де ла Туш.)

⁶ В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их беседы и последнего их восторга был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену «Андромахи». (А. Де ла Туш.)

⁷ Всё-таки у меня там кое-что было.

К РОДЗЯНКЕ

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь мне об *ней* одной...
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украины!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже зата и честей,
Дороже славы разногласной...
Поговорим опять об *ней*.

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей;
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту,
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода.
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои:
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глухи, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.



ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними

Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит
И гонит всех, и давит.

Он, поравнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит, —
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец; —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет, и хохочет.

В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи,

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир.
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир
горой;

Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол,
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.

Жених

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит;
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глухи
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде сребро да золото,
Всё светло и богато».

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклоняясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшой,
По леву голубица
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну это, — говорит жених, --
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» —
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит, бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Н. Н.

*При посылке ей
«Невского альманаха»*

Примите «Невский альманах».
Он мил и в прозе, и в стихах;
Вы тут найдете *** ова,
Вел ***, Х *** ова;
К ***, дальний ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и прах.
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и лылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Цветы последние мией
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.



19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?

Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под мirtами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отчество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выуг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суety;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пирайте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.

Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний
сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
На^куковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

Нет ни в чем вам благодати;
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.



ДВИЖЕНИЕ

Движенъя нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый,
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.



СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Берег моря. Фауст и Мефистофель

Ф а у с т

Мне скучно, бес.

М е ф и с т о ф е л ь

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Ф а у с т

Сухая шутка!
Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

М е ф и с т о ф е л ь

Доволен будь
Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В велиcodушные мечты,
В пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.

Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Ф а у с т

Перестань,
Не растревляй мне язвы тайной
В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

М е ф и с т о ф е л ь

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Ф а у с т

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

М е ф и с т о ф е л ь

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокий,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышление
(А доказали мы с тобой,
Что размышление — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Ф а у с т

Говори. Ну, что?

М е ф и с т о ф е л ь

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!

Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скучой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

Ф а у с т

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

М е ф и с т о ф е л ь

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Ф а у с т

Что там белеет? говори.

М е ф и с т о ф е л ь

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Ф а у с т

Всё утопить.

М е ф и с т о ф е л ь

Сейчас.

(Исчезает)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

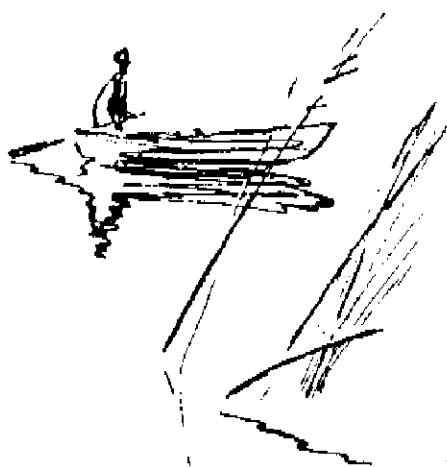
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет.
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.



В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне сладче мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двигнется ночная тень.

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.



БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всесно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиеньях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блестает
Нетленной славой и красой,

Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я...

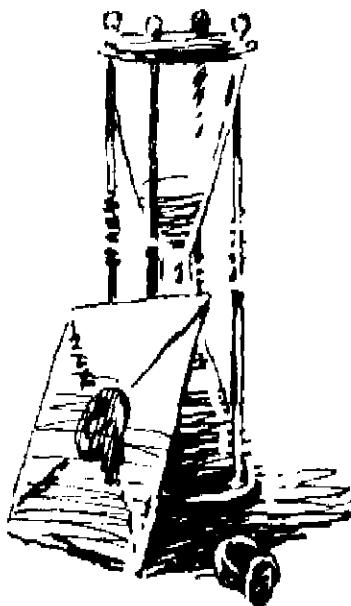


ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чём, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Её с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу.
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть,
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерой
Готов и ими вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили благодатью.
Нет, нет, по мнению моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) —
Всё это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

Что с тобой, скажи мне, братец.
Бледен ты, как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был ты у забора,
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой,
Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?



С ПОРТУГАЛЬСКОГО

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой
Дева сонною рукой
Отирала сонны очи,
Удалая грезы ночи.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вокруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей

Знал любимую овечку —
Я водил ее на речку.

На тенистые брега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел, гитарою бряцая:

«Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною?

Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны».

Так певал бывало ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

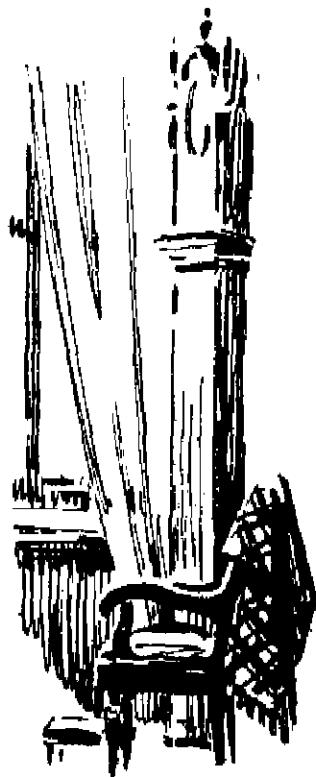
Где ж красавица моя!
Одинокий плачу я —
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

НАЧАЛО И ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННИЦЫ»

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Йоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блестая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица,
Послушная, как агнец полевой;
Йоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,

Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрыпицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.



Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, может быть, оно —
Так утверждаю не напрасно
И доказать не мудрено.
Твой дом, учтивая беседа
И шутки пополам
Напоминают живо нам
И впрямь Опасного соседа.

НА Ф. Н. ГЛИНКУ

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт *Фита*, не становись Фертом!
Дьячок *Фита*, ты *Ижица* в поэтах!





Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их легкая душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.



НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ

I

«Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?»
— Все хороши: на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать — я служу,
Живу, кряхчу под вечным игом.
Как нянька бедная, хожу
За вами — слушаю, гляжу.

II

— Вот Коцит, вот Ахерон,
Бот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну смелее,
Там нам будет веселее. —
— Где же мост? — Какой тут мост,
На вот — сядь ко мне на хвост.

— Кто идет? — Солдат.
— Это что? — Парад.
— Вот обер-капрал,
Унтер-генерал.

— Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
— Фауст, ха-ха-ха,
Посмотри — уха,
Погляди — цари.
О вари, вари!..

III

— Так вот детей земных изгнанье?
Какой порядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Всё тихо. — Там, гораздо дале,
— Где мы теперь? — В парадной зале.

— Сегодня был у сатаны —
На именины мы званы —
Смотри, как эти два бесенка
Усердно жарят поросенка,
А этот бес — как важен он,
Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
— Скажи мне, скоро ль будут гости?

— Что козырь? — Черви. — Мне ходить.

— Я бью. — Нельзя ли погодить?

— Беру. — Кругом нас обыграла.

— Эй, смерть! Ты, право, сплутовала.

— Молчи! ты глуп и молоденек.

Уж не тебе меня ловить.

Ведь мы играем не из денег,

А только б вечность проводить!

— Кто там? — Здорово, господа!

— Зачем пожаловал сюда?

— Привел я гостя. — Ах, создатель!..

— Вот доктор Фауст, наш приятель —

— Живой! — Он жив, да наш давно —

Сегодня ль, завтра ль — всё равно.

— Об этом думают двояко;

Обычай требовал однако

Соизволенья моего,

Но впрочем это ничего.

Вы знаете, всегда я другу

Готова оказать услугу...

Я дамой... — Крой! — Я бью тузом...

— Позвольте, козырь. — Ну, пойдем...

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте *семнадцать* лет замена.
Но время протекло, наступила перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
Итише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало смелей грозит и упрекает.
Что делать . . . утешься и смирись,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобою,
Я счастия тебе желаю всей душою,
. а опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

Семейственной любви и нежной дружбы
ради
Хвалю тебя, сестра! не спереди, а сзади.

VARIANTES EN L'HONNEUR DE M-LLE NN*

Почтения, любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

* Вариант в честь м-ль Н. Н. (*франц.*).



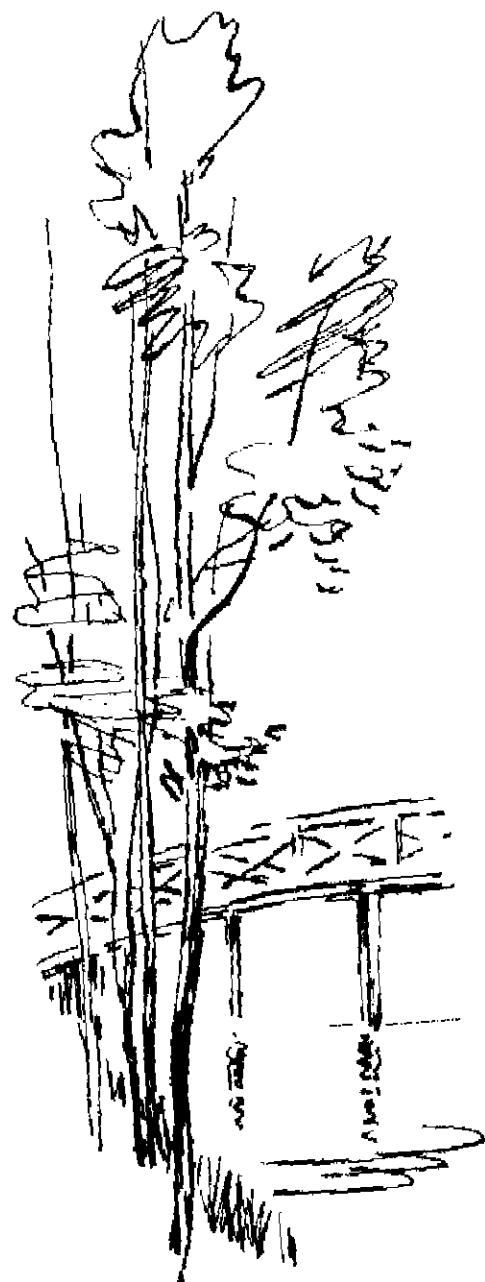
Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-евнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.

«Мизур, недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне всё сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика».

Заступники кнута и плети,
О знаменитые князья,
За них жена моя и дети
Вам благодарны, как и я.
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду,
Когда по делу позовут
Меня на новую расправу,
За ваше здравие и славу
. мой первый кнут.



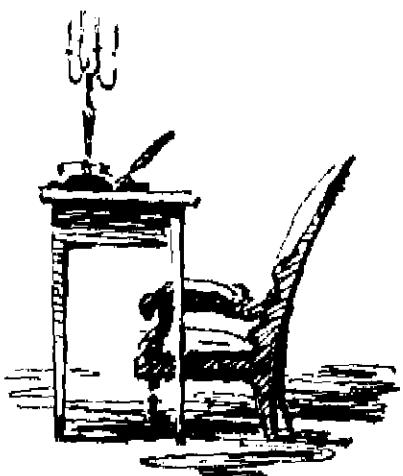
Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Теченье месячных изданий.



На небесах печальная луна
Встречается с веселою зарею,
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой молодою,
Луна пред ней, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый.
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый,— музы наши сестры,
Итак, ты всё же братец мой.



ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

В глухи, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позывает
Ко испражнению прежних дней.

От многоречия отрекшись добровольно,
В собранье полном слов не вижу пользы я;
Для счаствия души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.



Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
.
То есть разумею, —
Вдруг примолвил он, —
Вешают за шею,
Но жесток закон».

ИЗ ВОЛЬТЕРА

Короче дни, а ночи доле,
Настала скучная пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранное поле.
Что делать в зимни вечера?
Пока не подавали кушать,
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенные друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденек.

В то время деньги

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить.



Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшую
В тишине небес.

АННЕ Н. ВУЛЬФ

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.

.....
.....



ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергеевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.



1826

К БАРАТЫНСКОМУ

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

К ЗИНЕ

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец,
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.



ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO»
Canto XXIII

Ott. 100*

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогий спит у стада.
Устал под латами герой,
Его манит ручья прохлада,
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

* «Неистовый Орланд». Песнь XXIII. Октаава 100 (*итал.*).

Гуляя, он на деревах
Повсюду надписи встречает.
Он с изумлением в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам-друг являлся иногда.

Орланд их имена читает,
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все, может быть,
Другой, не этой Анджеликой.

Но вскоре, витязь, молвил ты:
«Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,

Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть может».«
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

Но чем он более хитрит,
Чтоб утишить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106

Кривой, бродящей повиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анджеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркий, в тихий час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливцы написали.

Туда пешком печальный граф
 Идет и над пещерой темной
 Зрит надпись — в похвалу забав
 Медор ее рукою томной
 В те дни стихами начертал;
 Стихи, чувств нежных вдохновенье,
 Он по-арабски написал,
 И вот их точное значенье:

«Цветы, луга, ручей живой,
 Счастливый грот, прохладны тени,
 Приют любви, забав и лени,
 Где с Анджеликой молодой,
 С прелестной дщерью Галафона,
 Любимой многими — порой
 Я знал утехи Купидона.
 Чем, бедный, вас я награжу?
 Столь часто вами охраненный,
 Одним лишь только услужу —
 Хвалой и просьбою смиренной.

Господ любовников молю,
 Дам, рыцарей и всевозможных
 Пришельцев, здешних иль дорожных,
 Которых в сторону сию
 Фортуна заведет случайно, —

На воды, луг, на тень и лес
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада».

110

Граф точно так, как по-латыни,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111

Два, три раза, и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный сilitся напрасно
Сказать, что нет того, что есть,
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,
И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.

Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

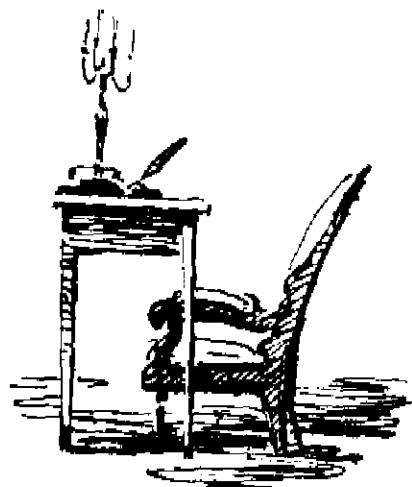


Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

К ВЯЗЕМСКОМУ

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.



К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке, по широкой
Выпłyвала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгую ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

Ходил Стенька Разин
 В Астрахань-город
 Торговать товаром.
 Стал воевода
 Требовать подарков.
 Поднес Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые --
 Парчи золотые.
 Стал воевода
 Требовать шубы.
 Шуба дорогая,
 Полы-то новы,
 Одна боброва,
 Другая соболья.
 Ему Стенька Разин
 Не отдает шубы.
 «Отдай, Стенька Разин,
 Отдай с плеча шубу.
 Отдашь, так спасибо;
 Не отдашь — повешу.
 Что во чистом поле,
 На зеленом дубе,
 На зеленом дубе,
 Да в собачьей шубе».
 Стал Стенька Разин
 Думати думу:
 «Добро, воевода,
 Возьми себе шубу.
 Возьми себе шубу,
 Да не было б шуму».

Что не конский топот, не людская моль,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему.
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

ПРИЗНАНИЕ

К Александре Ивановне Осиповой

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.

Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнившую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрья змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».



И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

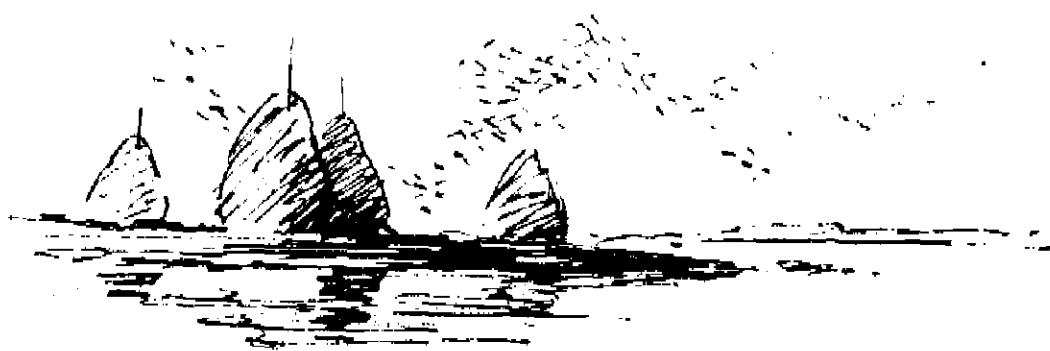
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымется, как рыбка золотая?

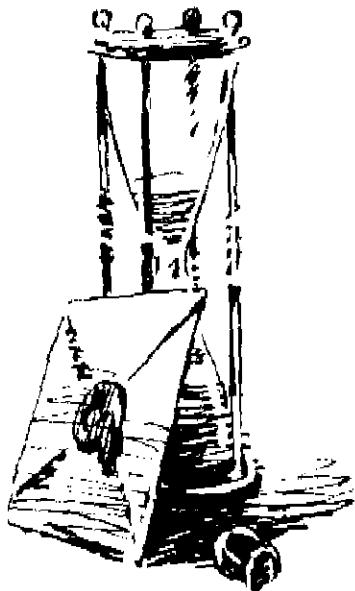
Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь и журча.
Ее глаза то меркнут, то блестают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
Томительно и сладко: в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде...
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.

И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзанье.
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Баяна Славья гусли.



ИЗ ПИСЬМА К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою.
Сейчас, мой друг, увидишь почему.



ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ

Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде
не найдешь. Потом
(на голос: «Жил да был петух индейский»)

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немногого перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая. — В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие.

О мугла пламенной сатиры!
Приди на мой призывающий клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клевреты,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

НА АЛЕКСАНДРА I

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австриецем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фронтовой профессор!
Но фронт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоем жилище нет
Ни золата, ни серебра; но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2

УДЕЛ ГЕНИЯ

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3

ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

«Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил.
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был» --
Два раза два — четыре.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
 Зажги другую, — что ж? изба светлее стала.
 Правдивы древнего речения слова:
 Ум хорошо, а лучше два.

МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
 Она за соты мстить обидчику желала;
 Но что же? умерла сама, лишившись жала.
 Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

«Познай, светлейший лев, смятения вину, —
 Рек слон, — в народе бунт! повсюду шум и клики!»
 «Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну!»
 Опасность не страшна для мощного владыки.

СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
 Страшатся щуки крокодила;
 От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей,
 Всегда имеет верх над слабостию сила.

8

ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал. —
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

9

МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

10

ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос в весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

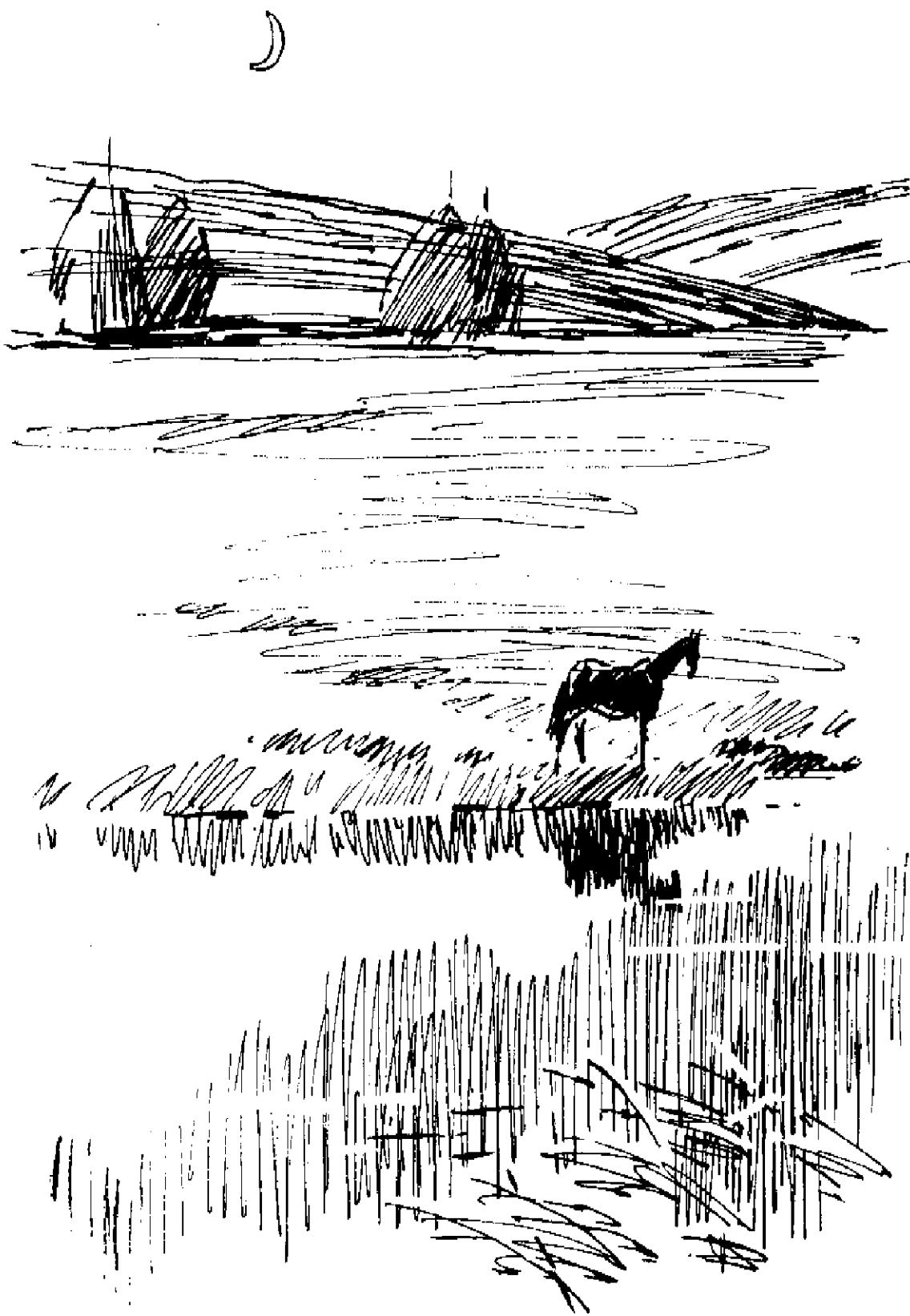
11

БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка — мила:
Всяк следует своей природе.



1827

АКАФИСТ
ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ
КАРАМЗИНОЙ

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...



Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, пост он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокий,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

ИЗ ALFIERI

Сомненье, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!..
Но как же зреть его и не любить?
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум, с наружностью прекрасной
Прекрасная душа... Зачем природа
И небеса таким тебя создали?..
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить? — О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним; он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне; и он, как и другие,
Обманется, и станет, как других,
Он убегать меня... Увы мне, бедной!
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы — преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе...
Что вижу? Карл! — Уйдем, мне изменить
И речь и взор — всё может: ах, уйдем.

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон,
Конечно, был охотник славный,
Наездник, чести друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, ранира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,

Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу, —
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет;
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,

И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смириль,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет все готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас.

Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;

Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию, похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою будущего, то, разобрав опять барона, раздарила он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу,
Изделье гроба преврати . . .
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или как Гамлет-Баратынский
Над ним задумчиво мечтай:
О, жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.



1835

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнаником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеной
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно синея стелется широко;

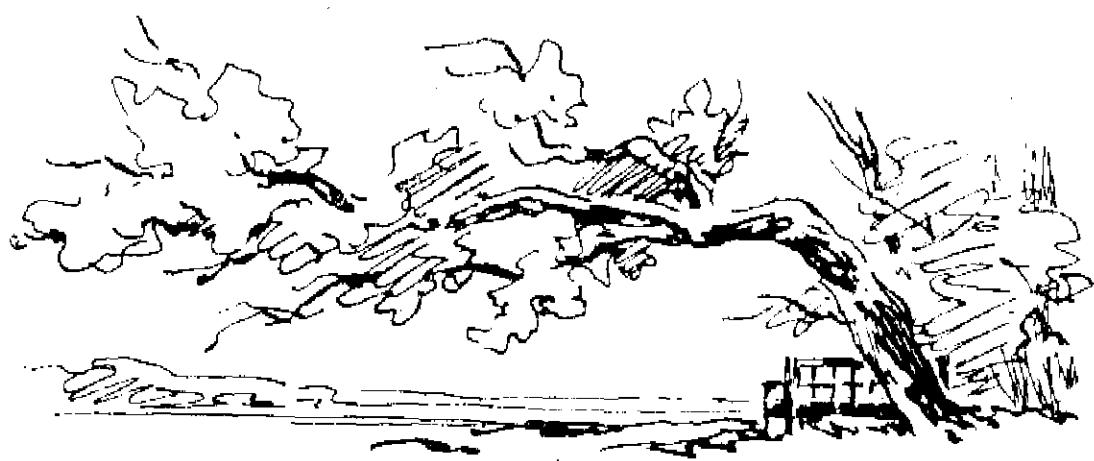
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собою
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилиу крылья
Ворочая при ветре...

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Геперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,

Когда перрастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.





СТИХОТВОРЕНИЯ,
НАПИСАННЫЕ
НЕ В МИХАЙЛОВСКОМ,
НО СВЯЗАННЫЕ С НИМ
ПО СОДЕРЖАНИЮ

1819

N. N.

(*B. B. Энгельгардту*)

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лата
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приана,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,

Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.



ОРАОВУ

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который с каждым днем
Вставая на военную муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку;
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой налача, —
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суэты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;

Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С щевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов
И буду ждать. Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей
И браны громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенныи Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

1826

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутио спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе



1829

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.



1834

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.



1835

Если ехать вам случится
От **** на *,
Там, где А. струится
Меж отлогих берегов,—
От большой дороги сирава,
Между полем и селом,
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом облит его лучами,
Окна блещут как пожар,
И, ездой скучая, мимо
. развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

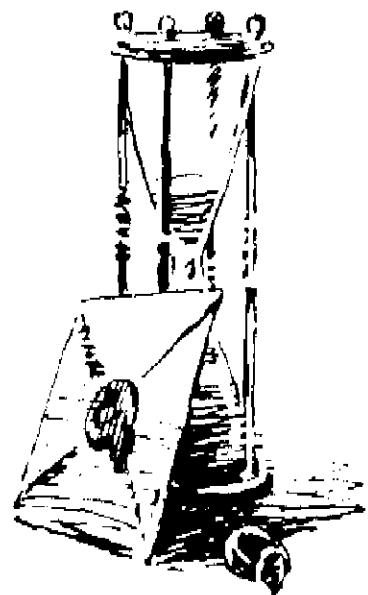
1836

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвцы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли всё наводят,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плонуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.

Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым
мохом,

Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...





ПРИМЕЧАНИЯ

1817

«Есть в России город Луга...»

Стихи из несохранившегося письма к неизвестному, написаны 12—18 июля под впечатлением поездки в Михайловское после окончания Лицея.

В пушкинское время Новоржев — уездный город Псковской губернии, как и город Луга — «Петербургского округа», находился на пути из Петербурга в Михайловское. Насколько Пушкин точен в своей характеристике Новоржева, свидетельствует описание города в «Атласе Псковской губернии», изданном в 1838 г.: «Город Новоржев существует с 1777 года, но по неудобному местоположению, болотистому грунту и совершенного неимения главной городской потребности, скромного вида, весьма малую имеет промышленность, и не подает никакой надежды к своему благоустройству».

При жизни Пушкина не печаталось.

«Простите, верные дубравы!..»

Написано в альбом Прасковье Александровне Осиповой (1781—1859), с которой Пушкин был в дружеских отношениях до конца своих дней, на память о посещении им Тригорского в июле—августе 1817 г., во время своего первого пребывания в Михайловском. В альбоме стихотворение датировано 17 августа.

При жизни Пушкина не печаталось.

1819

Деревня

Стихотворение написано в июле 1819 г. Основная идея стихотворения — необходимость отмены крепостного права, глубокое убеждение Пушкина, объединившее его с декабристами. Первая половина стихотворения была напечатана под названием «Уединение» в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г. Полностью распространилось в России тогда же в огромном количестве нелегальных списков.

Домовому

Написано, по-видимому, 11—12 августа, накануне отъезда из Михайловского в Петербург. Проникнутое горячей любовью к родовому поместью, стихотворение является своеобразной «охранной грамотой» его.

Впервые напечатано в альманахе «Полярия звезда» на 1824 г.

1824

«У лукоморья дуб зеленый...»

Стихотворение написано в Михайловском по мотивам зачина русской народной сказки, записанного Пушкиным со слов прабабушки Арины Родионовны в ноябре 1824 г.: «У моря-лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет». В черновом отрывке стихи 4—5 имеют вариант — «направо сказочку мурлычет, налево песнь мяучит он». Во втором издании «Руслана и Людмилы» (1828 г.) Пушкин присоединил это стихотворение к поэме в качестве пролога.

Из письма к Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..»)

Стихотворение является частью письма от 20 сентября 1824 г. Алексею Николаевичу Вульфу (1805–1881) — старшему сыну П. А. Осиновой от первого ее брака. Когда Пушкин в августе 1824 г. приехал из Одессы в Михайловское, Вульф был в Дерите, где учился в университете вместе с поэтом Н. М. Языковым.

Лайон — по-английски имя брата Пушкина Льва.

К Языкову («Издревле сладостный союз...»)

Стихотворение адресовано поэту Языкову Николаю Михайловичу (1803–1896), в то время студенту Деритского университета. Лично Пушкин познакомился с Языковым летом 1826 г., когда тот приезжал на каникулы в Тригорское. На послание Пушкина Языков ответил стихами «А. С. Пушкину» («Не вовсе чужа бога света...»).

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 16.

Разговор книгопродавца с поэтом

Стихотворение написано 6 сентября 1824 г. Опубликовано в 1825 г. в виде предисловия к первой главе «Евгения Онегина» с примечанием Пушкина: «Заметим для щекотливых бюллетелей приличий, что книгопродавец и поэт — оба лица вымышленные». В стихах 28–32 и 42–46 отражены характерные приметы пейзажа Михайловского.

К морю

Начатое еще в Одессе 30 июля, стихотворение было закончено в Михайловском 1–10 октября 1824 г. Стихи 9–12 и 22–30 говорят о неудавшемся плане Пушкина бежать из России от преследований царского правительства. «Другой правитель наших дум» — Байрон, английский поэт, скочившийся 19 апреля 1824 г.

Напечатано в альманахе «Мнемозина», 1824 г., ч. IV (вышел в свет в октябре 1825 г.).

В печати из строфы 13-й печатались только начальные слова «Мир опустел...». Остальное заменялось точками. Однако по рукам разошлись полные списки стихотворения. Во избежание неприятных последствий для автора, в «Мнемозине» было сделано примечание: «В сем месте автор поставил три с половиной строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено князем П. А. Вяземским в подлиннике и здесь напечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями».

Коварность

Написано 18 октября 1824 г. Стихотворение относится к А. Н. Раевскому, увлеченному Е. К. Воронцовой. Наговорами на своего соперника Пушкина Раевский содействовал ускорению решения М. С. Воронцова об удалении поэта из Одессы в Михайловское.

Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 6.

Фонтану Бахчисарайского дворца

Написано 1—5 ноября 1824 г. Стихотворение вызвано воспоминанием о посещении фонтана в Бахчисарае в 1820 г.

Впервые напечатано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

Виноград

Написано 1—5 ноября 1824 г. На полях чернового текста стихотворения Пушкин нарисовал ветку винограда. Посвящено воспоминаниям о Кишиневе.

Впервые напечатано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

«О дева-роза, я в оковах...»

Рукопись стихотворения датируется второй половиной октября 1824 г.

Опубликовано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г., под названием «Подражание турецкой песне».

«Ночной зефир...»

Написано 13 ноября 1824 г. При первой публикации в альманахе «Литературный музей» на 1827 г. имело подзаголовок «Испанский романс». В этом же альманахе были напечатаны ноты романса, написанного композитором А. Н. Верстовским.

«Ненастный день потух...»

Написано осенью 1824 г. Автограф не сохранился. Стихотворение обращено, по-видимому, к Е. К. Воронцовой.

Впервые напечатано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

Дружба

Черновой текст эпиграммы написан осенью 1824 г., беловой — весной 1825 г. Послана Вяземскому вместе с другими эпиграммами 3 декабря 1825 г.

Напечатана в альманахе «Урания» на 1826 г.

Подражания Корану

Цикл стихотворений, написанный в сентябре—ноябре 1824 г., является свободной переработкой некоторых глав (сур) и стихов Корана. Отдельные образы имеют автобиографический характер. На полях чернового текста шестого «Подражания» («Недаром вы приснились мне...») Пушкин нарисовал мусульманина с кривой саблей в поднятой руке. Стихотворения писались в тригор-

ском доме Осиповых— Вульф, куда Пушкин временно перебрался в конце октября после ссоры с отцом, вызванной тем, что Сергей Львович взял на себя полицейское поручение следить за поведением опального сына и производить перлюстрацию его писем. В доме Осиповой Пушкин нашел настоящую «сень успокоения» и истинную дружбу. Этим объясняется посвящение цикла П. А. Осиповой.

Стихотворения впервые напечатаны в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

«Ты янешь и молчишь; печаль тебя снедает...»

Написано в конце декабря 1824 г.

Напечатано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г., с пометой Пушкина: «Подражание Ан. Шенье».

Чаадаеву («К чему холодные сомненья?...»)

Написано в конце 1824 г. после прочтения книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 г.», СПб., 1823 г., которую Пушкин прочел «с жадностью» в том же 1824 г., о чём он сообщает в письме к Дельвигу.

Впервые напечатано в «Северной пчеле», 1825 г., № 12, 27 января.

«Холодные сомненья» — мнение Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у мыса Георгиевского монастыря. «Чадаев, помнишь ли былое?» — напоминание Пушкина о своем послании к Чаадаеву 1818 г. «Любви, надежды, тихой славы...».

Аквилон

Стихотворение датировано Пушкиным в автографе 1824 годом. Основано на сюжете известной басни «Дуб и тростник», но с придачей ему иносказательного значения. Возможно, что стихотворение написано позже — по получении известия о смерти Александра I.

Напечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1837 г., № 1.

Аквилон — поэтическое название сильного ветра.

«Пускай увенчанный любовью красоты...»

Написано осенью 1824 г. Вызвано воспоминанием о Е. К. Воронцовой.

При жизни Пушкина не печаталось.

Второе послание цензору

Черновой текст написан 2—8 октября 1824 г. Стихотворение связано с надеждами Пушкина на изменение цензурной политики после назначения министром просвещения А. С. Шишкова, в ведении которого находилась цензура.

При жизни Пушкина не печаталось.

Клеопатра

Набросок, написанный в октябре 1824 г., является первой редакцией стихов о Клеопатре, которые Пушкин переработал в 1835 г., предполагая их включить в повесть «Египетские ночи». Фабула стихотворения основана на рассказе о Клеопатре, египетской царице I века до нашей эры, в книге Аврелия Виктора, римского писателя. Книга Виктора имелась в библиотеке Тригорского.

При жизни Пушкина не печаталася.

«Тимковский царствовал — и все твердили вслух...»

Точная дата написания неизвестна. Эпиграмма направлена против трех особенно придирчивых цензоров: Тимковского, Красовского и Биркурова.

При жизни Пушкина не печаталась.

Графу Олизару («Певец! издревле меж собою...»)

Черновой набросок. Написан 10—15 октября 1824 г. Граф Олизар Густав (1798—1864) — поляк, писал стихи, в 1823 г. сватался за Марию Раевскую, но получил отказ.

Стихотворение при жизни Пушкина не печаталось.

Из письма к Плетнезу («Ты издал дядю моего...»)

Из черновика письма к другу Пушкина — П. А. Плетневу в Петербург, писанного в октябре 1824 г., в котором Пушкин просит Плетнева взять на себя издание «Евгения Онегина».

Плетнёв Петр Александрович (1792—1865) — писатель, издававший сочинения Пушкина, когда тот находился в ссылке.

«Как жениться задумал царский арап...»

Черновой неоконченный набросок стихотворения. Датируется второй половиной октября 1824 г. Написано в духе народных песен, основано на предании о прадеде поэта Ибрагиме Ганибале, легшем позднее в основу сюжета повести «Арап Петра Великого», над которой Пушкин работал в Михайловском в 1827 г.

«Т — прав, когда так верно вас...»

Датируется осенью 1824 г. Адресат стихотворения неизвестен. При жизни Пушкина не печаталось.

«Мне жаль великия жены...»

Необработанный сатирический набросок стихотворения о Екатерине II. Написан предположительно в октябре 1824 г.

«Пока супруг тебя, красавицу младую...»

Черновой незначительный отрывок, написанный в ноябре 1824 г.

«Охотник до журнальной драки...»

Написано осенью 1824 г. Эниграмма направлена против М. Т. Каченовского — издателя «Вестника Европы».

Замкнутый, озлобленный житейскими неудачами, Каченовский был грозой писателей. Он присвоил себе роль блюстителя порядка на тогдашнем Парнасе: громил, распекал, доносил. Эниграмма ярко рисует накал литературной борьбы той эпохи.

Напечатана в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

«Лихой товарищ наших юбдов...»

Написано осенью 1824 г. Адресат эниграммы неизвестен. При жизни Пушкина не печаталась.

«Презрев и голос укоризны...»

Черновой набросок. Датируется осенью 1824 г. Стихотворение посвящено планам бегства Пушкина из Михайловского, обсуждавшимся с братом Львом.

К Сабурову

Черновой набросок. Написан осенью 1824 г. Сабуров Л. И. — лейб-гусар, с которым Пушкин познакомился еще в Лицее и встречался в Кишиневе и Одессе.

Младенцу

Черновой набросок. Написан в октябре 1824 г. Адресат неизвестен.

«Лизе страшно полюбить...»

Написано в декабре 1824 г. Адресат неизвестен. При жизни Пушкина не печаталось.

Из письма к Родзянке («Прости, украинский мудрец...»)

Стихотворение приложено к письму, написанному 8 декабря 1824 г. А. Г. Родзянке в его имение (Хорольский уезд Полтавской губернии). В этом письме Пушкин спрашивает Родзянко о его поэме «Чуп», об А. П. Керн, сообщает об «Эде» — повести Баратынского.

Родзянко А. Г. (1793–1850) — поэт, член кружка «Зеленая лампа», приятель Пушкина.

Послание к Л. Пушкину («Что же? Будет ли вино?...»)

Черновой набросок послания к брату Льву Сергеевичу от середины ноября 1824 г. В примечании 25 к 4-й главе «Евгения Онегина», написанной в Михайловском, Пушкин приводит пять строк этого наброска.

«С перегородкою коморки...»

Необработанный отрывок. Написан 13 ноября 1824 г., по всей видимости в Тригорском, под впечатлением девичьих светлок, в которых жили «девы гор» — молодежь Тригорского.

1 8 2 5

Сожженное письмо

Стихотворение навеяно воспоминаниями о Е. К. Воронцовой. «Уж перстня верного утратя впечатленье» — речь идет о перстне-талисмане, подаренном поэту Воронцовой. Впервые напечатано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г. Поднося эту книгу одной из обитательниц Тригорского, поэт сделал на обложке надпись и сургучный оттиск своего талисмана. К сожалению, надпись он потом тщательно вымарал. Можно разобрать

только ее конец: «...от всенизкайшего ее доброжелателя. А. Пушкин. 1826 года из сельца Зуево». Зуево — деревенское название Михайловского.

«Сказали раз царю, что наконец...»

Закончено в январе 1825 г. (беловой текст). Эпиграмма направлена против «придворного хама» М. С. Воронцова. Основана на дошедшем до Пушкина слухе, что Воронцов в ответ на сообщение царя Александра I об аресте испанского революционера Риего подобострастно воскликнул: «Какое счастливое известие, ваше величество, одним мерзавцем стало меньшее».

При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась.

Приятелям («Враги мои, покамест я ни слова...»)

Эпиграмма послана из Михайловского 25 января 1825 г. с письмом Вяземскому.

Напечатана в «Московском телеграфе», 1825 г., № 3, под заглавием «Журнальным приятелям», против чего Пушкин протестовал в «Северной ичеле».

Совет

Послано Вяземскому 3 декабря 1825 г. вместе с письмом в ответ на просьбу прислать что-либо для альманаха «Урания».

Напечатано в 1826 г.

«Напрасно ахнула Европа...»

Эпиграмма написана по получении известия о наводнении в Петербурге 7 ноября 1824 г., во время которого пострадала типография, где был напечатан альманах «Полярная звезда» на 1825 г. Альманах пришлось печатать заново, и он вышел с опозданием — 21 марта 1825 г. Эпиграмма построена на библейском рассказе о всемирном потопе.

При жизни Пушкина не печаталась.

Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову

Сохранилась в рукописи. Написана в период 15 февраля — 15 апреля 1825 г. Пародия на оды не только самого Хвостова, оды И. И. Дмитриева и других архаистов, но и молодых поэтов (Кюхельбекера, Рылеева) — последователей изжившего себя старого литературного стиля.

При жизни Пушкина не печаталась.

Жив, жив курилка!

Эпиграмма направлена против редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского. В феврале 1825 г. в этом журнале появились «Мысли и замечания», направленные против Пушкина. Пушкин считал автором статьи Каченовского. Появление ее послужило непосредственным поводом для создания Пушкиным эпиграммы.

При жизни Пушкина не печаталась.

Козлову («Певец! Когда перед тобой...»)

Козлов Иван Иванович (1799—1840) — поэт и переводчик, начал писать стихи после того, как был разбит параличом и ослеп. Написано по получении от Козлова его поэмы «Чернец» и вскоре послано Пушкиным автору. Под рукописью стихотворения рукою Пушкина сделана помета: «Михайловское — Арапово 15 мая 1825 г.».

Арапово — одна из деревень, принадлежавших Ганнибалам, находится в восьми километрах от Михайловского.

Желание славы

Черновой автограф начала первого замысла датируется ноябрём 1824 г. Окончательный текст — первыми месяцами 1825 г. Стихотворение обращено к Е. К. Воронцовой.

Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1825 г., № 6.

Ex angie leonem

«По когтям узнают льва» — латинская поговорка. Эпиграмма является ответом издателю журнала «Благонамеренный» А. Е. Измайлову, который в анонимной заметке писал о Пушкине: «Страшно, очень страшно. Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти».

А. Е. Измайлов 11 сентября 1825 г. сообщал одному из сотрудников своего журнала П. Л. Яковлеву: «Слышал много нового об А. Пушкине от одного недавно возвратившегося из Пскова полулитератора. Проказничает наш Пушкин, да и только...»

Написана в июне 1825 г. Напечатана в «Московском телеграфе», 1825 г., № 13.

П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...»)

Стихотворение написано рукою Пушкина в альбом П. А. Осиповой с пометой: «с. Михайловское, 25 июня 1825 г.». В нем поэт прощается с милым его сердцу Тригорским и его обитателями, намекая на план задуманного им бегства за границу.

Впервые напечатано в «Северных цветах» на 1829 г.

«Храни меня, мой талисман...»

Талисманом Пушкин называл кольцо, подаренное ему на юге Е. К. Воронцовой.

Стихотворение при жизни Пушкина не печаталось.

Андрей Шенье

В черновой рукописи 1825 г. элегия озаглавлена «Андрей Шенье в темнице». В той же рукописи сохранился набросок примечания Пушкина к стихотворению.

Андре Шенье (1762—1794) — французский поэт, казненный по обвинению в монархическом заговоре. Пушкин изображает Шенье человеком, преданным до конца идеям свободы. Стихотворение имеет автобиографический смысл. Оно было написано

за несколько месяцев до восстания декабристов. Вскоре после напечатания его в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г., искалеченные цензурой строки распространились в рукописных списках с заглавием «На 14 декабря». Стихи попали в руки полиции. Лица, у которых они были обнаружены, подверглись аресту и ссылке, а сам Пушкин был привлечен к следствию, в результате которого над ним был учрежден новый секретный полицейский надзор.

К Родзянке («Ты обещал о романтизме...»)

Стихотворение является ответом на шутливое письмо А. Г. Родзянки и А. П. Керн от 10 мая 1825 г.

При жизни Пушкина не печаталось.

*К *** («Я помню чудное мгновенье...»)*

Посвящено Анне Петровне Керн (1800–1879) – племяннице П. А. Осиповой. Впервые Пушкин познакомился с ней в Петербурге в 1819 г. в доме Олениных. Летом 1825 г. Керн гостила в Тригорском, и здесь вновь Пушкин встретился с нею. В своих воспоминаниях Керн рассказывает о встрече с Пушкиным в Тригорском, о том, как он принимал ее у себя в Михайловском, показывал свой парк и как передал ей эти стихи. Эта встреча оставила в сердце Пушкина глубокое, яркое чувство, о чем он писал Анне Петровне 25 июня того же года. Среди почитателей Пушкина за лиловой аллеей парка Михайловского давно закрепилось название – «аллея Керн».

Стихотворение впервые напечатано в «Северных цветах» на 1827 г., без имени Керн.

Жених

Написано 30 июля 1825 г. Основанием послужила русская народная сказка, записанная Пушкиным в 1824 г. в Михайловском со слов его няни Арины Родионовны. В первой публикации («Московский вестник», 1827 г., № 12) сопровождалось подзаголовком «Простонародная сказка».

«Если жизнь тебя обманет...»

Написано в альбом второй дочери П. А. Осиповой, пятнадцатилетней Евпраксии Николаевне Вульф (Зизи), впоследствии бар. Вревской (1809—1883).

Впервые напечатано в «Московском телеграфе», 1825 г., № 17.

Вакхическая песня

Написано в середине 1825 года. По своей внешней форме имитирует античный дифирэмб. Стихотворение дышит чувством полноты жизни. Его финал — прославление разума и противопоставление разума «ложной мудрости».

Впервые напечатано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

Н. И. («Примите „Невский альманах“...»)

Адресат стихотворения не установлен. Напечатано в «Невском альманахе» на 1826 г. под заглавием: «Н. И. При посылке „Невского альманаха“».

Сафо

Точная дата написания стихотворения неизвестна. Напечатано в «Стихотворениях А. Пушкина», 1826 г., в отделе «Подражания древним». Однако у древнегреческой поэтессы Сафо подобных стихов нет.

«Цветы последние милей...»

Написано 16 октября 1825 г. Стихотворение обращено к П. А. Осиповой. Прасковья Александровна вписала его в свой альбом с припиской: «Стихи на случай в последнюю осень присланных цветов к П. от П. О.» (т. е. к Пушкину от П. Осиповой).

При жизни Пушкина не печаталось.

19 октября

Написано 10—20 октября. Посвящено ежегодно праздновавшейся лицейской годовщине (19 октября — день открытия Лицея). Стихотворение содержит упоминание ряда лицеистов. В четвертой строфе говорится о Н. А. Корсакове, умершем в Италии в 1820 г., в пятой — о моряке Ф. Матюшкине, в девятой вспоминается посещение Михайловского И. И. Пушкиным 11 января 1825 г., в десятой — встреча с А. М. Горчаковым на Псковщине в сентябре 1825 г., в одиннадцатой — приезд А. А. Дельвига в Михайловское в апреле 1825 г., в тринадцатой содержится обращение к В. К. Кюхельбекеру. В рукописи стихотворение имело еще ряд строф, исключенных или переработанных Пушкиным.

Напечатано в «Северных цветах» на 1827 г., с заменой всех имен звездочками.

Соловей и кукушка

Эпиграмма послана Пушкиным в письме к Вяземскому 3 декабря 1825 г. вместе с другими эпиграммами («Совет», «Дружба», «Движение», «Нет ни в чем вам благодати...»). В ней Пушкин высмеивает модное увлечение унылыми элегиями.

Напечатана Погодиным в его альманахе «Урания» на 1826 г. По поводу этой эпиграммы Баратынский писал Пушкину в январе 1826 г.: «Как ты отдал элегиков в своей эпиграмме. Тут и мне достается, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень приторно: Вытье жеманное поэтов наших лет».

«Нет ни в чем вам благодати...»

Адресат эпиграммы неизвестен. Послана Вяземскому вместе с другими эпиграммами 3 декабря 1825 г.

Напечатана в альманахе «Урания» на 1826 г. и включена в издание стихотворений А. Пушкина 1829 г. без указания даты.

Движение

Послано Пушкиным Вяземскому вместе с другими эпиграммами 3 декабря 1825 г. Напечатано в альманахе «Урания» на 1826 г.

«Мудрец брадатый» — древнегреческий философ Зенон, доказывавший невозможность движения и утверждавший, что движение является суммой положений, из которых каждое отдельно взятое есть покой. «Другой» — философ Диоген.

«Всё в жертву памяти твоей...»

На рукописи помета Пушкина: «Тригорское». Стихотворение обращено, вероятно, к Е. К. Воронцовой.

При жизни Пушкина не печаталось.

Сцена из Фауста

Эта сцена не перевод и не подражание какой-либо сцене из «Фауста» Гете, а совершенно самостоятельное толкование образов Фауста и Мефистофеля.

При первой публикации в «Московском вестнике», 1828 г., № 8, названа: «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем».

Зимний вечер

Написано зимою 1825 г. Посвящено няне Арине Родионовне, в светлице которой Пушкин часто проводил зимние вечера, слушая и записывая се песни и сказки. В стихах 21 и 22 говорится о русских народных песнях «За морем синичка не пышио жила» и «По улице мостовой шла девица за водой».

Впервые напечатано в «Северных цветах» на 1830 г.

«В крови горит огонь желанья...»

Мотивом стихотворения послужили первые стихи 1-й главы библейской «Песни песней» Соломона, первоначально переложенные Пушкиным прозой в его черновой тетради.

Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1829 г., ч. I.

«Вергоград моей сестры...»

Как и предыдущее стихотворение, заимствовано из «Песни песней» Соломона. В первоначальной публикации оба стихотворения объединены общим заглавием «Подражания».

Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1829 г., ч. I.

Буря

В первоначальном тексте стих седьмой напечатан: «И ветер боял и летал». Об этой ошибке против языка Пушкин писал в статье «Опровержение на критики».

Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 2.

«Люблю ваш сумрак неизвестный...»

Первоначальная редакция стихотворения датируется 1822 г., последняя — 1825-м. Первая представляет собой отрывок из «Тавриды», вторая — переработку ее, с характерными чертами настроений Пушкина 1825 г.

Напечатано в «Московском телеграфе», 1826 г., № 1. Включено в сборник «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

Прозаик и поэт

По свидетельству Вяземского, эпиграмма была вызвана спонтанным отзывом о «Цыганах» Пушкина.

Впервые напечатана в «Московском вестнике», 1827 г., № 4..

«Хотя стишки на именины...»

Стихи написаны на именини Айны Николаевны Вульф (1799 -1857), старшей дочери П. А. Осиповой. Айны — имениницы 3 февраля (по старому стилю). Этим определяется дата написания стихотворения. «Благодать» — перевод еврейского имени Айна.

При жизни Пушкина стихотворение не печаталось.

«Что с тобой, скажи мне, братец...»

Набросок. Адресат неизвестен. Датируется 1825 г. предположительно. Возможно, что в основе стихотворения лежит любовное похождение кого-либо из близких деревенских знакомых Пушкина.

При жизни Пушкина не печаталось.

С португальского («Там звезда зари взошла...»)

Стихотворение является вольным переводом стихотворения «Воспоминания» бразильского поэта Томаса Антонио Гонзага (1744–1807), написанным в ссылке.

При жизни Пушкина не печаталось.

Начало I песни «Девственницы»

Перевод первых стихов поэмы Вольтера «Орлеанская девственница», которую Пушкин ставил очень высоко. «Певец сей чудотворной девы» — автор поэмы о Жанне д'Арк Ж. Шаплен (1595–1674).

При жизни Пушкина не печаталось.

«Твое соседство нам опасно...»

Набросок. Датируется концом декабря 1824 – началом января 1825 г. Адресат стихотворения неизвестен. «Опасный сосед» – поэма дяди Пушкина Василия Львовича Пушкина.

При жизни Пушкина не печаталось.

На Ф. Н. Глинку («Наш друг Фига, Кутейкин в эполетах...»)

Написана в январе 1825 г. Эпитрагма направлена против поэта Федора Глинки, писавшего переложения библейских «Псалмов». Глинка был гвардейским офицером. Эполеты – принадлежность парадного мундира гвардейца. Кутейкин – герой комедии «Недоросль» Фонвизина. Фига – предпоследняя буква старого русского алфавита. Этой буквой Глинка подписывался в печати.

«Лишь розы увядают...»

Черновой набросок стихотворения.
При жизни Пушкина не печатался.

Наброски к замыслу о Фаусте

Черновые наброски неосуществленного замысла драмы о Фаусте в аду.

«Я был свидетелем златой твоей весны...»

Черновой набросок шутливого стихотворения, обращенного к Анне Николаевне Вульф — приятельнице Пушкина из Тригорского.

При жизни Пушкина не печатался.

«Семейственной любви и нежной дружбы ради...»

Экспромт адресован сестре Ольге Сергеевне, написан 6 апреля 1825 г., о чем Пушкин сообщает брату Льву в письме от 7 апреля. «Сожги же это, показав ей», — подчеркивает он.

«Блестит луна, недвижно море спит...»

Черновой набросок стихотворения на восточную тему. Написан 22 июля 1825 г.

«Заступники кнута и плети...»

Черновой набросок стихотворения, обращенного к друзьям поэта Вяземскому, Жуковскому, Плетневу, узнавшим о замысле бегства Пушкина из Михайловского и всячески пытавшимся по-

мешать этому. Пушкин иронически благодарит своих «опекунов» за те истязания, которым он может подвергнуться со стороны власти.

«Словесность русская больна...»

Черновой набросок эпиграммы на современную литературу.

«На небесах печальная луна...»

Черновой набросок.

Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный...»)

Стихи извлечены из письма к Вяземскому, датируемого 16–24 сентября 1825 г.

Асмодей – библейский адский дух (прозвище Вяземского в «Арзамасе»).

Под текстом восьмистишия Пушкин написал вариант стиха 5: «Василий Львович тонкий, острый».

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – близкий друг Пушкина, поэт и критик.

Из письма к Вяземскому («В глухи, измучась жизнью постной...»)

Из письма, датируемого 5–7 ноября 1825 г. «Измучась жизнью постной» – намек на тяготы ссылки, на то, что, будучи отанным под духовный надзор братии Святогорского монастыря, он изнемогает от выполнения разных церковных треб и обрядов.

«Отца зубастых голубей» – в басне «Два голубя» Хвостова имеется стих «Кой-как разгрыз зубами узелки».

«От многоречия отрекшиесь добровольно...»

Дата написания предположительная. В марте 1825 г., получив от брата Льва рукописный сборник стихов, ранее записанных

в так называемую «Тетрадь Всеволожского», Пушкин вписал на полях тетради это стихотворение. Пушкин обрабатывал его для сборника своих стихотворений 1826 г.

«Брови царь нахмуря...»

Стихотворение было включено Пушкиным в письмо к Дельвигу в октябре – ноябре 1825 г. и дополнялось следующими строками: «Вот тебе, душа моя, приращение к куплетам Эристова».

Князь Дм. Ал. Эристов (1797–1858) – лицеист второго выпуска, известный остряк, балагур и куплетист, впоследствии стал писателем. Был знаком с Пушкиным и с его товарищами А. А. Дельвигом и другими. О каких куплетах говорит Пушкин, в точности неизвестно.

Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле...»)

Черновые наброски 1825 г. отрывков из сказки Вольтера «Что нравится женщинам».

«Под каким созвездием...»

Отрывок незаконченного стихотворения 1825 г.

Анне Н. Вульф («Увы! напрасно деве гордой...»)

Эти стихи дошли до нас в мемуарной передаче А. П. Керн. Они посвящены Анне Николаевне Вульф (старшей дочери П. А. Осиповой-Вульф), влюбленной в поэта. «Два последних стиха Пушкин означил точками», – рассказывает Керн. Стихи, невозможные полностью для печати ни при каких книжных правилах, были, однако, известны женскому населению Тригорского.

Элегия на смерть Анны Львовны

Анна Львовна -- тетка Пушкина; умерла в 1821 г. Элегия написана совместно с Дельвигом, во время его пребывания в гостях у Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г. В письме к Вяземскому от апреля 1825 г. Пушкин сделал пометку: «Я да Дельвиг». Елизавета Львовна — сестра Анны Львовны. Матвей Матвеевич — муж Елизаветы Львовны. Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич — сестра и брат Пушкина. Василий Львович — дядя поэта, напечатавший в «Полярной звезде» на 1825 г. слезливое стихотворение «К ней» («Где ты, мой друг, моя родная...»), посвященное Анне Львовне. Красовский — цензор. Узнав об элегии племянника, Василий Львович сильно гневался на него.

1826

К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей...»)

Стихотворение написано под впечатлением поэмы Баратынского «Эда». «Твоя чухоночка» — Эда, героиня поэмы, простая девушка, соблазненная и покинутая. Зоил — Булгарин, напечатавший в 1826 г. в своем журнале «Северная пчела», по словам Пушкина, «неприличную статейку» о поэме.

Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. I.

Баратынский Евгений Александрович (1800—1844) — один из наиболее ценимых Пушкиным поэтов-современников. Об особой любви Пушкина к поэзии Баратынского свидетельствуют его письма, стихотворения, статьи и черновые заметки. Появление «Эды» вызвало восторженные отклики со стороны Пушкина, считавшего поэму одним из самых оригинальных произведений русской поэзии.

К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте...»)

Записано Пушкиным в тригорский альбом Евпраксии Николаевны Вульф 1 июля 1826 г. Брат ее Алексей сообщил первому биографу Пушкина Анненкову, что сестра его «ненавидела

мадригальные стихи». *Зина* — уменьшительное от Эфрозина (французская форма имени Евпраксия).

При жизни Пушкина не печаталось.

Из Ариостова «Orlando Furioso»

Стихотворение является переводом тринадцати актов поэмы итальянского поэта Лодовико Ариосто (1477—1533) «Неистовый Роланд». В поэме повествуется о том, как Роланд, разыскивающий свою возлюбленную Анджелику, узнает о ее браке с Медором и сходит с ума.

При жизни Пушкина не печаталось.

«Под небом голубым страны своей родной...»

Стихотворение озаглавлено в одном из пушкинских перечней: «На смерть Р.», посвящено памяти страстно любимой им на юге женщины — Амалии Ризнич, умершей в Италии в 1825 г. В рукописи Пушкин поставил вместо заглавия — «29 июля 1826». Под текстом сделал две пометы, которые обычно расшифровывались, как «услышал о смерти Ризнич 25 июля» («усл. о см. 25») и «услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Аpostola, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля» («усл. о. с. Р. П. М. К. Б. 24»). В настоящее время исследователи творчества Пушкина считают, что первая помета не связана с текстом элегии и расположение ее объясняется случаем, как это часто бывало в рукописях Пушкина.

При жизни Пушкина стихотворение напечатано в «Северных цветах» на 1828 г.

К Вяземскому («Так море, древний душегубец...»)

Стихотворение является началом письма Пушкина к П. А. Вяземскому от 14 августа 1826 г., в котором поэт откликается на только что полученное им стихотворение «Море» и на слухи (оказавшиеся впоследствии ложными) о том, что в Англии аре-

стован и доставлен морем в Петербург Н. И. Тургенев, заочно приговоренный по делу декабристов к смертной казни.

При жизни Пушкина не печаталось.

К Языкову («Языков, кто тебе внушил...»)

Написано 28 августа 1826 г. в ответ на стихотворное послание Языкова «О ты, чья дружба мне дороже», отправленное им Пушкину 19 августа 1826 г. из Дерпта, откуда он приезжал летом 1826 г. в Тригорское. Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1827, № 9.

Песни о Стеньке Разине

Осенью 1824 г. в Михайловском Пушкин записывал со слов яиц Арины Родионовны народные сказки и песни. Среди них были песни о Стеньке Разине и его сыне. Тогда же он просил своего брата о присылке ему литературы о Разине. Углублению интереса Пушкина к образу Разина и народному движению способствовали крестьянские волнения, которые прокатились по всей Псковской губернии в 1826 г., в том числе и в ближайших окрестностях Михайловского. Можно без преувеличения сказать, что своими «Песнями о Разине» Пушкин отзывался на эти волнения.

Николай I не допустил опубликования песен, о чем Бенкендорф сообщил Пушкину в письме от 22 августа 1827 г.: «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина и Пугачева».

Признание

Стихотворение обращено к Александре Ивановне Осиповой (1804—1864), падчерице П. А. Осиповой, в замужестве (1833) Беклевой. В 1826 г. в нее был влюблен Алексей Вульф, увлекался ею и Пушкин. По рассказам дочери П. А. Осиповой Марии Ивановны, «Александрина дивно играла на фортепьяно».

В письме к ней (1835 г.) Пушкин вспоминает «прежнее время и нутешествия в Опочку и прочая»...

Стихотворение при жизни Пушкина не печаталось.

Пророк

Стихотворение образно связано с Библией и книгой пророка Исаи в частности («шестикрылый Серафим с горящим углем»). По свидетельству М. П. Погодина, «Пророк» был написан Пушкиным в Михайловском в 1826 г., после того как поэт узнал о жестокой расправе царя над декабристами. Всего было четыре стихотворения на тему о пророке. Три из них были Пушкиным уничтожены из-за резкого политического содержания, а одно сохранилось. В первоначальной редакции первый стих читается: «Великой страстию томим». Стихотворение напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 3.

По памяти Погодин сообщил одно четверостишие из трех недошедших текстов:

Восстань, восстань, пророк России.
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на выле
К убийце гнусному явись.

И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..»)

Написано в Пскове по дороге в Москву 13 августа, накануне первой годовщины восстания декабристов в Петербурге. Обращено к близкому другу декабристов И. И. Пущину (1799–1859), приговоренному к пожизненной каторге. Начало стихотворения посвящено воспоминанию о приезде Пущина в Михайловское 11 января 1825 г., подробно описанном Пущиным в «Записках о Пушкине». Первая строфа стихотворения взята Пушкиным из неоконченного послания к Пущину, начатого еще в 1825 г., вскоре после посещения им Михайловского. Вслед за этой строфой следовало:

Забытый кров, шалаш ональный
Ты вдруг отрадой оживил,
На стороне глухой и дальний
Ты день изгнанья, день печальный
С печальным другом разделил.
Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?
Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш лицей,
Но ты счастлив, о брат любезный,
На избранной чреде своей.
Ты победил предрассужденья
И от признательных граждан
Умел истребовать почтенья,
В глазах общественного мненья
Ты возвеличил темный сан.
В его смиренном основанье
Ты правосудие блюдешь,
Ты честь

Стихотворение при жизни Пушкина не печаталось.

«Как счастлив я, когда могу покинуть...»

Отрывок, связанный с замыслом будущей драмы «Русалка». Датируется началом 1826 г. Один из автографов имеет помету Пушкина: «23 Novembre (ноябрь), Козаково». Село Козаково лежит по дороге из Михайловского в Москву. В пушкинское время в этом селе некоторое время находился почтовый двор.

E. W. — возможно, Евираксия Вульф.

Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь
считаться довелось...»)

Великопольский Иван Ермолаевич (1797—1868) — поэт и драматург, псковский знакомый Пушкина. Потомок старинного и богатого рода Великопольских, поселившегося на Псковщине

еще с начала XVI в. Служил в 1815—1820 гг. офицером в гвардейском Семеновском полку в Петербурге. За бунт против своего жестокого командира полк в октябре 1820 г. был расформирован. 2 ноября того же года Великопольский был переведен в Псков в пехотный фельдмаршала Кутузова-Смоленского полк, в чине штабс-капитана. Вскоре Великопольский перевелся в Старо-Ингерманландский полк, стоявший в Пскове и его окрестностях. Здесь, в доме своего кума Г. П. Назимова, у которого он крестил сына, и в его имении Преображенском, находившемся неподалеку от Пскова, Пушкин познакомился с Великопольским. В письме к нему от 10 марта 1826 г. Пушкин приглашает его к себе в Михайловское и благодарит за присылку стихотворений Слепушкина — поэта-крестьянина.

Стихотворение Пушкина является началом записи его к Великопольскому от 3 июня 1826 г. из села Преображенского по поводу карточного долга ему. В ответ на это Великопольский в свою очередь написал не лишенное для нас интереса стихотворение «Послание к А. С. Пушкину».

При жизни Пушкина не печаталось.

Из письма к Соболевскому

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — приятель Пушкина, любитель литературы, его остроумные эпиграммы пользовались большим успехом. В его московском доме Пушкин сстановился после возвращения из ссылки. Послано в письме из Михайловского от 9 ноября 1826 г. Начало письма: «Мой милый Соболевский — я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно; но в доказательства дружбы (сего священного чувства) посыпаю тебе мой itinéraire (маршрут) от Москвы до Новагорода. Это будет для тебя инструкция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом (на голос: Жил да был петух индийский) У Гальяни иль Кольони...» и т. д. Гальяни — итальянец, содержатель лучшего трактира в Твери. Кольони — непристойное итальянское слово, заимствованное из «Кандида» Вольтера. Пожарский — содержатель известного трактира в Торжке. «Жил да был петух индийский» — сатирическое

произведение, сочиненное Баратынским и Соболевским в 1825 г., изображающее семью тетки Пушкина Е. А. Солнцевой.

При жизни Пушкина не печаталось.

«О муза пламенной сатиры!..»

Стихотворения в рукописях Пушкина нет. Оно сохранилось только в трех списках.

Приятель Пушкина С. А. Соболевский, записавший эти стихи, сообщает, что «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и подготовил для оной сообщаемое предисловие». В нем Пушкин говорит, что будет, как древний сатирик Ювенал, бичевать современное ему общество подлецов, пороки государственных деятелей.

Стихотворение датируется по списку, принадлежавшему П. П. Каверину — близкому приятелю юности Пушкина. На списке помета: «1 августа 1825».

На Александра I

Эпиграммы в рукописях Пушкина нет. Она сохранилась только в списках. Это не первая сатира на Александра I, с которым у Пушкина были свои счеты. Он считал царя своим главным врагом. В письме к Жуковскому из Михайловского в 20-х числах января 1826 г. Пушкин писал о том, что всю свою жизнь «подсвистывал» Александру I «до самого гроба».

Нравоучительные четверостишия

Написаны Пушкиным совместно с Языковым в Тригорском летом 1826 г. Стихотворения являются пародиями на «Апологии» И. И. Дмитриева, напечатанные в 1825 г. (аполог-басня). Воспроизводя дух основных сентенций старого поэта, облеченныйных в басенную форму, Пушкин и Языков пародировали Дмитриева. «Мстительность» пародировала аполог «Мщение ичел», «Мартышка» пародировала аполог «Чадолюбивая мать» и т. д. Напечатаны в «Невском альманахе» на 1827 г. без подписи.

1827

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной

Посвящено семнадцатилетней дочери историка и писателя Н. М. Карамзина (запись в ее альбоме 14 ноября 1827 г.). В черновой рукописи имеется помета: «31 июля, Михайловское».

Акафист — церковное хвалебное песнопение какому-нибудь святому.

Поэт («Пока не требует поэта...»)

Написано 15 августа 1827 г. Образ поэта в этом стихотворении связан с образом пророка в стихотворении «Пророк». В нем — представление о высокой миссии поэта, который, для того чтобы иметь право проповедовать людям «божественный глагол», должен нравственно очиститься, уйти в «широкошумные дубравы», слиться с природой,

Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 23.

«Близ мест, где царствует Венеция злата...»

Написано 17 сентября 1827 г. Перевод стихотворения Андре Шенье, французский подлинник которого Пушкин вписал в принадлежавшую ему книгу стихов Шенье. Содержание стихотворения Шенье соответствовало душевному состоянию Пушкина в этот период.

Напечатано в «Невском альманахе» на 1828 г.

Ринальд, Годфрий, Эрминия — герои «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо. *Веспер* — планета Венера.

Из Alfieri («Сомненье, страх, порочную надежду...»)

Перевод монолога Изабеллы — героини трагедии итальянского драматурга Альфиери «Филипп» (1781). Собрание сочинений Альфиери имелось в библиотеке Пушкина в Михайловском.

При жизни Пушкина стихотворение не печаталось.

Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он...»)

Дельвиг Антон Антонович (1798–1831), родом из прибалтийских баронов; поэт, товарищ Пушкина по Лицею, один из его любимых друзей и литературных соратников, издатель «Северных цветов» и «Литературной газеты», гость Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г. Алексей Вульф подарил Пушкину череп, взятый Н. М. Языковым из какой-то гробницы в Дерите. Пушкин решил подарить череп Дельвигу, сопроводив его посланием. Первоначально стихотворение называлось «Череп».

Впервые напечатано в «Северных цветах» на 1828 г.

«Певец Корсара» – автор поэмы «Корсар» Байрон, написавший стихотворную надпись на кубке из черепа. «Гамлет-Баратынский» – намек на стихотворение Баратынского – подражание монологу Гамлета над черепом шута Йорика.

1835

«...Вновь я посетил...»

Последнее стихотворение, написанное Пушкиным в Михайловском 26 сентября 1835 г. При жизни Пушкина не печаталось. В нем поэт подводит итоги своих раздумий о смысле жизни, о своей судьбе и в то же время говорит о будущем, выражает свое утверждение жизни, ее неизменного круговорота. Написано Пушкиным в очень тяжелое для него время (конфликт с великосветским обществом, тягостное положение при дворе, расстройство хозяйственных дел, предполагаемая продажа родителями Михайловского).

Пребывание в Михайловском вызвало волну воспоминаний о прошлом и раздумья о будущем. В стихотворении дан точный, реальный пейзаж Михайловского, показаны излюбленные и ранее воспетые им места. Насколько точен был Пушкин в раскрытии своего душевного мира, свидетельствует письмо жене Наталии Николаевне, которое он пишет в эти дни (25 сентября): «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась,

во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых я уже не пляшу». В этих словах намечена программа стихотворения, его лирическая тема.

Стихотворение первоначально имело продолжение, в нем шла речь о личной судьбе поэта. Пушкин отбросил этот конец, несомненно потому, что он переключал стихотворение из философского плана в личный, автобиографический. В черновых рукописях осталось несколько отрывков текста, не введенных в окончательную редакцию. После стихов

Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора...

следовало:

И вечером при завыванье бури
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лет, но всё приятных сердцу,
Как шум привычный и однообразный
Любимого ручья. Вот уголок,
Где для меня безмолвно протекали
Часы печальных дум иль снов отрадных,
Часы трудов свободно-вдохновенных.
Здесь погруженный в
Я размышлял о грустных заблужденьях,
Об испытаньях юности моей,
О строгом заслуженном осужденье,
О мнимой дружбе, сердце уязвившей
Мне горькою и ветреной обидой.

Затем эти стихи были заменены другими:

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной — но всё приятным сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит.

Бывало,
Ее простые речи и советы
И лолные любови укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

После стихов

Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно синяя стелется широко...

следовало:

Ни тяжкие суда торговли алчной,
Ни корабли, носители громов,
Его кормой не рассекают вод;
У берегов его не видит путник
Ни гавани кипящей, ни скалы,
Венчанной башнями; оно синеет,
В своих брэгах пустынных и смиренных...

Вслед за последним стихом

И обо мне вспомянет...

следовало окончание стихотворения:

В разны годы
Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я; когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был
Веселым юношем, беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни; годы
Промчалися, и вы во мне прияли
Усталого пришельца; я еще
Был молод, но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на ширу, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.
Утрачена в бесплодных испытаниях
Была моя неопытная младость,

И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть и грезы мести бледной.
Но здесь меня таинственным щитом
Святое пророчество осенило,
Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой.

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НАПИСАННЫЕ НЕ В МИХАЙЛОВСКОМ,
НО СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПО СОДЕРЖАНИЮ

1819

N. N. (B. B. Энгельгардту)

В июне 1819 г. Пушкин был болен «гнилою горячкой» (тифом). Для поправления здоровья он едет 10 июля из Петербурга в Михайловское, где его ждет «деревенская свобода». Стихотворение написано накануне отъезда в деревню.

Энгельгардт *B. B.* (1785—1837) — приятель Пушкина, член кружка «Зеленая лампа».

Впервые напечатано в сборнике «Стихотворения А. Пушкина», 1826 г.

Орлову («О ты, который сочетал...»)

Написано перед отъездом в Михайловское 10 июля. Пушкин мечтает скрыться «под сенью дедовских лесов».

Впервые напечатано без ведома Пушкина журналистом М. А. Бестужевым-Рюминым в альманахе «Северная звезда» на 1829 г.

Орлов *A. F.* (1786—1861) — участник войны с Наполеоном; позже один из подавителей декабрьского восстания.

1826

Няне («Подруга дней моих суровых...»)

Неоконченное обращение к няне Арине Родионовне, которую Пушкин покинул после освобождения из ссылки. Автограф стихотворения написан на том же листе, на котором помещен карандашный набросок XXVI строфы 5-й главы «Евгения Онегина» (съезд гостей в доме Лариных).

1829

«Броджу ли я вдоль улиц шумных...»

Стихотворение непосредственно связано с глубоко личными переживаниями поэта. Основные мотивы его — неотвязная дума о «смерти неизбежной», о месте его последнего успокоения — «родном пределе», о вечной красоте «равнодушной природы». Дата его написания особенно точно подчеркнута Пушкиным — «26 дек[абря] 1829 СПБ. 3 часа 5 минут».

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 2, 6 января.

1834

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»

Стихотворение написано в июле 1834 г. в связи с решением Пушкина порвать с суетой столичной жизни, выйти в отставку и поселиться в своей деревне, о чем он писал в это время жене. В рукописи текст стихотворения сопровожден планом его завершения: «Юность не имеет нужды в *at home**, зрелый воз-

* В своем доме (англ.).

раст ужасается своего уединения. Блажен кто находит подругу — тогда удались он домой. О, скоро ли перенесу я мои пепаты в деревню — поле, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь, etc, религия, смерть».

При жизни Пушкина не печаталось.

1835

«Если ехать вам случится...»

Имеются два автографа этого стихотворения, из них второй — 1835 года (время поездки в Михайловское). Принятые расшифровки географических названий в стихах 2 и 3 предположительны. Наиболее вероятна следующая:

Если ехать вам случится
От Тригорского на Псков,
Там, где Луговка струится
Меж отлогих берегов...

Луговка — речка, бегущая возле Тригорского; мимо нес в пушкинское время шла почтовая дорога, по которой Пушкин ездил в Псков, Петербург, Москву.

1836

«Когда за городом, задумчив, я брожу...»

Написано 14 августа 1836 г. в Петербурге.

Стихотворение примыкает к мыслям Пушкина о покое и воле, которые он собирается найти в Михайловском.

При жизни Пушкина не печаталось.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
1817	
«Есть в России город Луга...»	9
«Простите, верные дубравы!..»	10
1819	
Деревня	13
Домовому	16
1824	
«У лукоморья дуб зеленый...»	19
Из письма к Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..»)	21
К Языкову («Издревле сладостный союз...»)	22
Разговор книгопродавца с поэтом	24
К морю	32
Коварность	35
Фонтану Бахчисарайского дворца	37
Виноград	38
«О дева-роза, я в оковах...»	39
18 А. С. Пушкин	273

«Ночной зефир...»	40
«Ненастный день потух...»	41
Дружба	42
Подражания Корану	43
I. «Клянусь четой и нечетой...»	43
II. «О, жены чистые пророка...»	44
III. «Смутясь, нахмурился пророк...»	44
IV. «С тобою древле, о всесильный...»	45
V. «Земля недвижна; неба своды...»	46
VI. «Недаром вы приснились мне...»	47
VII. «Восстань, боязливый...»	47
VIII. «Торгуя совестью пред бледной нищетою...»	48
IX. «И путник усталый на бога роптал...»	48
Примечания	50
«Ты вянешь и молчишь...»	51
Чаадаеву («К чему холодные сомненья?...»)	52
Аквилон	53
«Пускай увенчанный любовью красоты...»	54
Второе послание цензору	55
Клеопатра	58
«Тимковский царствовал — и все твердили вслух...»	61
Графу Олизару («Певец! издревле меж собою...»)	62
Из письма к Плетневу («Ты издал дядю моего...»)	64
«Как жениться задумал царский арап...»	65
«Т — прав, когда так верно вас...»	66
«Мне жаль великия жены...»	67
«Пока супруг тебя, красавицу младую...»	68
«Охотник до журнальной драки...»	69
«Лихой товарищ наших дедов...»	70
«Презрев и голос укоризны...»	71
К Сабурову («Сабуров, ты оклеветал...»)	72
Младенцу	73
«Лизе страшно полюбить...»	74
Из письма к Родзянке («Прости, украинский мудрец...»)	75

Послание к А. Пушкину («Что же? будет ли вино?...»)	76
«С перегородкою коморки...»	78

1825

Сожженное письмо	81
«Сказали раз царю, что наконец...»	82
Приятелям	83
Совет	84
«Напрасно ахнула Европа...»	85
Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову	86
П р и м е ч а н и я	87
Жив, жив курилка!	89
Козлову («Певец, когда перед тобой...»)	90
Желание славы	91
Ex angie leopet	93
П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...»)	94
«Храни меня, мой талисман...»	95
Андрей Шене	96
П р и м е ч а н и я	102
К Родзянке («Ты обещал о романтизме...»)	104
К *** («Я помню чудное мгновенье...»)	106
Жених	108
«Если жизнь тебя обманет...»	115
Вакхическая песня	116
Н. Н. («Примите «Невский альманах»...»)	117
Сафо	118
«Цветы последние милей...»	119
19 октября	120
Соловей и кукушка	126
«Нет ни в чем вам благодати...»	127

Движение	128
«Всё в жертву памяти твоей...»	129
Сцена из Фауста	130
Зимний вечер	136
«В крови горит огонь желанья...»	138
«Вертоград моей сестры...»	139
Буря	140
«Люблю ваш сумрак неизвестный...»	141
Прозаик и поэт	143
«Хотя стишкы на именины...»	144
«Что с тобой, скажи мне, братец...»	145
С португальского («Там звезда зари взошла...»)	146
Начало I песни «Девственницы»	148
«Твое соседство нам опасно...»	150
На Ф. Н. Глинку («Наш друга Фига, Кутейкин в эпо- летах...»)	151
«Лишь розы увядают...»	152
Наброски к замыслу о Фаусте	153
«Я был свидетелем златой твоей весны...»	156
«Семейственной любви и нежной дружбы ради...»	157
«Блестит луна, недвижно море спит...»	158
«Заступники кнута и плети...»	159
«Словесность русская больна...»	160
«На небесах печальная луна...»	161
Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный...»)	162
Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной...»)	163
«От многоречия отрекшись добровольно...»	164
«Брови царь нахмуря...»	165
Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле...»)	166
«Под каким созвездием...»	168
Анне Н. Вульф («Увы! напрасно деве гордой...»)	169
Элегия на смерть Анны Львовны	170

1826

К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей...»)	173
К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте...»)	174
Из Ариостова « <i>Orlando Furioso</i> »	175
«Под небом голубым страны своей родной...»	181
К Вяземскому («Так море, древний душегубец...»)	182
К Языкову («Языков, кто тебе внушил...»)	183
Песни о Стеньке Разине	184
Признание	187
Пророк	189
И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») .	191
«Как счастлив я, когда могу покинуть...»	192
Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь счи- таться довелось...»)	194
Из письма к Соболевскому	195
«О маза пламенной сатиры!..»	197
На Александра I («Воспитанный под барабаном...»)	198
Нравоучительные четверостишия	199

1827

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной	205
Поэт	206
«Близ мест, где царствует Венеция златая...»	207
Из <i>Allieri</i> («Сомненье, страх, порочную надежду...»)	208
Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он...»)	209

1835

«...Вновь я посетил...»	217
-----------------------------------	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НЕ В МИХАЙЛОВСКОМ,
НО СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПО СОДЕРЖАНИЮ

1819

- N. N. (В. В. Энгельгардту) 223
Орлову («О ты, который сочетал...») 225

1826

- Няне («Подруга дней моих суровых...») 227

1829

- «Брошу ли я вдоль улиц шумных...» 228

1834

- «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» 230

1835

- «Если ехать вам случится...» 231

1836

- «Когда за городом, задумчив, я брошу...» 232

- ПРИМЕЧАНИЯ 237

*Александр Сергеевич
ПУШКИН*

*Стихотворения, написанные
в Михайловском*

Редактор

Б. Г. Друян

Художник-редактор

Г. И. Гунькин

Технический редактор

В. А. Преснова

Корректор

И. В. Левтолова

Сдано в набор 27/IV 1967 г.
Подписано к печати 17/V 1967 г.
Формат бумаги 60×70¹/₁₆.
Бумага мелованная. Условн. печ. л. 13,6
Уч.-изд. л. 7,98. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 779/Л

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского
Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 1 р. 08 к.